

съ его интенсивными эмоціями. Во время стачекъ молодежь добровольно оказывала намъ дѣятельную помощь. Деревню же она любила «изъ прекраснаго далека».

Въ деревнѣ надо работать долго и упорно, «безъ шума».

Въ городѣ же какъ разъ въ это время стало уже вырисовываться новое направленіе, манящее къ себѣ молодежь.

И поневолѣ пришлось выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть деревенской работы исключительно «старикамъ». Между стариками же, ушедшими въ деревню, было много отмѣченныхъ печатью «нелегальности»: правительство зорко слѣдило за ними...

Несмотря на ихъ опытность, способность уклоняться отъ правительственныхъ сѣтей, положеніе ихъ въ деревнѣ все-таки было неустойчиво, шатко...

Все это предвѣщало мало хорошаго.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ складывалась жизнь новыхъ революціонныхъ поселеній въ деревнѣ въ началѣ 1878 года.

Глава VII.

1878 годъ. Канунъ террористическаго періода народнически-революціонной дѣятельности. Террористическое настроеніе. День 31 марта 1878 года: оправданіе В. И. Засулячъ судомъ присяжныхъ въ Петербургѣ. Значеніе этого дня въ исторіи развитія общественнаго сознанія. „Дезорганизаторская“ группа общества „Земля и Воля“ преобразовывается въ „Исполнительный Комитетъ“ этого общества. Дѣятельность „Исполнительнаго Комитета“. Покушеніе Осинскаго на жизнь товарища прокурора Котляревскаго и убійство революціонеромъ Попко жандармскаго офицера Гейкина. Освобожденіе Стефановича, Дейча и Быхановскаго изъ Кіевской тюрьмы въ маѣ 1878 года. Попытка въ іюлѣ освободить Войнаральскаго на пути слѣдованія его въ Харьковскую центральную тюрьму. 24 іюля военный судъ надъ Ковальскимъ и его товарищами въ Одессѣ. Уличная демонстрація. Кровавое столкновеніе. Двѣ попытки въ теченіе того же мѣсяца освободить Фомина изъ Харьковской тюрьмы. Убійство Мезенцева 4 августа 1878 года. Брошюра Кравчинскаго по этому поводу. Политическая борьба фактически выдвигается на первый планъ. „Сѣверно-Русскій рабочій Союзъ“ ставитъ ребромъ вопросъ о политической борьбѣ. Отношенія землевольцевъ къ „Союзу“. Органъ „Земля и Воля“ №№ 1-й и 2-й (25 октября и 15 декабря 1878 г.). Итоги 1878 г.

Началу 1878 года суждено было стать прологомъ къ цѣлому ряду крупныхъ революціонныхъ актовъ, опредѣлившихъ въ послѣднемъ счетѣ радикальный поворотъ революціонно-народнической (землевольской) дѣятельности въ сторону почти исключительно политической борьбы. Намъ, современникамъ, стоявшимъ тогда такъ близко къ этимъ событіямъ и проникнутымъ тогда революціонно-народническою доктриною, и въ голову не могло притти, что мы вскорѣ очутимся опять на распутьи, что такъ скоро потеряемъ наши народническія стремленія, надежды и чаянія—и очутимся въ концѣ-концовъ въ тупикѣ.....

Мы снова водрузили знамя «въ народъ!» и двинулись туда, чтобы продолжать задуманное дѣло—дѣло освобожденія народа при посредствѣ самого народа. «Деревенщина» стала понемногу раздѣзжаться, въ Петербургѣ остался «центръ» съ его мѣстными группами, какъ это полагалось «по положенію».

Общественное броженіе, вызванное «Большимъ процессомъ», лишь рябью на поверхности могучаго океана общественной жизни: глубины ея оказались нетронутыми еще. «Море спокойно, только свѣжій вѣтерокъ весело надуваетъ паруса, но надъ кораблемъ уже съ зловѣщимъ крикомъ носятся чайки-буревѣстники—и морякъ знаетъ, что будетъ буря, хотя и не чувствуетъ ея*»). И буря дѣйствительно разразилась. 21 января 1878 года раздался выстрѣлъ В. И. Засуличъ. Русская дѣвушка за свой страхъ и рискъ рѣшила отомстить за поправное насильникомъ челоѣческое достоинство, за поруганную честь партіи. 31 марта того же года этотъ великій индивидуальный актъ благороднаго гнѣва нашель свою высшую санкцію въ общественной совѣсти: «въ этотъ день**») выборные общественные судьи впервые явно отвернулись отъ цѣлой правительственной системы; въ этотъ день русское общество впервые показало, что оно можетъ не бояться открыто заявлять свои желанія и симпатіи».

— Тяжело подымать руку на челоѣка—заявила на судѣ просто В. И. Засуличъ.

И судъ общественной совѣсти отвѣтилъ ей на это также просто и величаво:

— Тяжело, но бываетъ необходимо, а потому ты не виновна!

Въ исторіи развитія общественнаго сознанія 24 января и 31 марта являются лишь прологомъ той великой исторической драмы, которая называется судомъ народа надъ правительствомъ. Въ исторіи же развитія нашего революціоннаго движенія дѣлу Засуличъ суждено было стать рѣшительнымъ поворотомъ этого движенія.

На протяженіи какихъ-нибудь восьми мѣсяцевъ послѣ 24 января развертываются предъ нами одно за другимъ чрезвычайныя по внѣшней формѣ и внутреннему смыслу событія. 30 января вооруженное сопротивленіе революціонеровъ съ Ковальскимъ во главѣ въ Одессѣ, на Садовой улицѣ. Въ Кіевѣ почти одновременно раздается выстрѣлъ револьвера и блеснуло лезвіе кинжала: раненъ Котляревскій, палъ Гейкинъ. Первое (покушеніе) дѣло рукъ Осинскаго, второе (убійство)—Попко.

Въ это же время «дезорганизаторская» группа «Земли и Воли» окончательно преобразовывается, усиливается наплывомъ новыхъ свѣжихъ силъ, твердо становится на ноги и обособляется фактически отъ общества «Земля и Воля», какъ новая организація, извѣстная ужъ подъ именемъ «Исполнительнаго Комитета». Душою этой организаціи становится Валеріанъ Осинскій. Послѣ покушенія его на Котляревскаго, онъ уже выпускаетъ прокламацію отъ имени «Исполнительнаго Комитета».

«Исполнительный Комитетъ» вступаетъ теперь въ свои права и, опираясь на настроеніе тогдашняго момента, развертываетъ

* Изъ передовой статьи „Земли и Воли“ № 2. Тамъ-же. Стр. 177. (Статья Д. А. К.)

** Изъ прокламаціи „Ко всѣмъ честнымъ людямъ“, изданной въ „Вольной Русской Типографіи“. Перепечатано въ журналѣ „Былое“ № 7, 1906 года.

въ полномъ объемѣ свою разрушительную силу. И работа закипѣла.

Въ маѣ 1878 г. освобождаются изъ кievской тюрьмы Михайломъ Фроленко, при содѣйствіи Осинскаго, Стефановичъ, Дейчъ и Быхановскій. Въ этотъ же мѣсяцъ дѣлаются еще двѣ попытки освобожденія Өомина: одна посредствомъ подкопа, другая—двумя революціонерами, переодѣтыми въ жандармовъ, но обѣ—неудачныя. Въ іюлѣ предпринимается грандіозная возмущенная попытка освобожденія Войнаральскаго: было рѣшено отбить его по пути въ центральную тюрьму. Дѣло это организовано землевольцами: Александромъ Михайловымъ, Квятковскимъ, Баранниковымъ, С. Перовской и другими. По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, дѣло это потерпѣло фіаско, несмотря на то, что задумано оно было тщательно и выполнено почти что въ совершенствѣ. Подробно эта отчаянная попытка описана однимъ изъ участниковъ ея въ фельетонѣ № 4 «Земли и Воли». Слѣпая судьба и въ этотъ разъ обманула Войнаральскаго: въ іюлѣ 1878 года его опять-таки не удалось вырвать изъ когтей правительства, какъ въ первый разъ въ апрѣлѣ 1876 года, когда Войнаральскій и Коваликъ, спускаясь съ окна Дома Предварительнаго Заключенія, ужъ такъ близки были къ свободѣ.

На 24 іюля былъ назначенъ въ Одессѣ военный судъ надъ Ковальскимъ и его товарищами. Надъ головою Ковальскаго ужъ повисъ Дамокловъ мечъ царской Немезиды. «Исполнительный Комитетъ» энергично готовится къ освобожденію товарищей хотя бы дорогою цѣною вооруженнаго нападенія. Правительство насторожѣ: зданіе суда оцѣплено войсками. Революціонная молодежь и рабочіе крайне возбуждены во все время засѣданія суда; особенно рабочіе тогда рѣзко выдѣляются своимъ горячимъ сочувствіемъ революціонерамъ и рѣшительнымъ поведеніемъ на улицѣ. Напряженное настроеніе публики въ ожиданіи окончательнаго приговора доходить до крайней степени. Наконецъ, изъ залы суда раздается пронзительный, раздирающій душу крикъ: «Ковальскому смертная казнь!».

Толпа всколыхнулась, раздались крики негодованія, протеста и проклятій. Солдаты и казаки набросились на толпу и смяли ее. Изъ толпы раздается револьверный выстрѣлъ, это—отвѣтъ на нападеніе войска. Раздается команда: «пли!», происходитъ кровавая свалка. Революціонеры выпускають еще 18 зарядовъ: двое изъ стрѣлявшихъ солдатъ упало. Солдаты естервенѣли, сильнымъ натискомъ они набрасываются на толпу, разсѣиваютъ ее, убивая на смерть двухъ революціонеровъ, Полтавскаго и Погребницкаго. Уличные выстрѣлы достигаютъ залы суда.

— Слышите, судьи, слышите?—заговорилъ Ковальскій—это голосъ общественной совѣсти! Общество просыпается отъ вѣкового сна..... Я теперь спокойно могу умереть. Мечь за меня еще впереди.

И мститель нашелся. 2 августа казненъ Ковальскій, а 4-го того же мѣсяца пораженъ кинжаломъ революціонера среди бѣлаго дня Мезенцевъ, шефъ жандармовъ, вдохновитель всѣхъ жестокихъ репрессій недавняго времени.

Этимъ мстителемъ былъ Сергѣй Кравчинскій. Въ брошюрѣ «Смерть за смерть!», написанной самимъ Кравчинскимъ, заявляется, что программа социалистовъ—борьба на экономической почвѣ, что политическія убійства вовсе не методъ ихъ борьбы, что это отдѣльный эпизодъ, вызванный гоненіями правительства. Далѣе въ этой же брошюрѣ выставляется рядъ совершенно умѣренныхъ и законныхъ требованій, при исполненіи которыхъ повтореніе событій 4 августа дѣлалось бы невозможнымъ. Мы никогда не выйдемъ, —говорится въ этой брошюрѣ,—изъ предѣловъ самозащиты,—своихъ же завѣтныхъ цѣлей мы добиваемся совершенно инымъ путемъ.

Въ названной же брошюрѣ есть одно мѣсто, которое невзначай приподнимаетъ завѣсу съ той глубокой трагедіи, которую пережилъ самъ Кравчинскій, этотъ великій мститель:—«Убійство—вещь ужасная! Только въ минуту сильнѣйшаго возбужденія, доходящаго до потери самосознанія, человѣкъ, не будучи извергомъ, можетъ лишить жизни себѣ подобнаго. Насъ же, социалистовъ, насъ, посвятившихъ себя дѣлу освобожденія страждущихъ, насъ, обречшихъ себя на всякія страданія, чтобы только избавить отъ нихъ другихъ.—русское правительство довело до того, что мы рѣшаемся на цѣлый рядъ убійствъ, возводимъ ихъ въ систему!»

Невольно при этомъ вспоминаются также дышадціа такой же скорбью слова Засуличъ:—«тяжело подымать руку на человѣка!»

Впечатлѣніе, произведенное на общество событіемъ 4 августа, было импонирующее. На правительство же оно на первыхъ порахъ подѣйствовало ошеломляющимъ образомъ: паническій страхъ напалъ на него, и оно впервые почувствовало, что на него надвигается какая-то страшная, неуловимая, беспощадно-суровая сила....

Оно какъ будто притихло, притаилось, чтобы съ удвоенною силою наброситься на своего отъявленнаго врага и задушить его. Оно стало гоняться по пятамъ за нашимъ «центромъ» и, наконецъ, нанесло намъ страшный ударъ осенью 1878 года: арестованы Ольга Натансонъ, Адрианъ Михайловъ, Оболенцевъ, Леонидъ Булановъ, Малиновская, Калѣнкина, оказавшая вооруженное сопротивление, Бердниковъ и другіе.

Ударъ былъ почти роковой, крушеніе полное. Оставшіеся на свободѣ члены организациі не имѣли ни денегъ ни паспортовъ, у нихъ не было даже возможности снестись съ провинціальными членами организациі, такъ какъ они не знали ихъ мѣстопребыванія. Такая дезорганизациа грозила, разумѣется, новыми провалами. Вернувшійся спустя около недѣли послѣ арестовъ въ Петербургъ Плехановъ уцѣлѣлъ, благодаря лишь счастливой случайности. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ 30 коп. въ карманѣ. Позвалъ извозчика, чтобы поѣхать на Царскосельскій проспектъ, гдѣ, если не ошибаюсь, жила Малиновская. Извозчикъ запросилъ 75 коп., и это спасло Плеханова. Онъ рѣшилъ поѣхать на М.-Италянскую, гдѣ жилъ тогда А. Ольхинъ. Когда Плехановъ вошелъ къ Ольхину, послѣдній всплеснулъ руками:—«Дорогой мой, хорошо, что у васъ не оказалось 75 коп.: на квартирѣ Малиновской засада, всѣ друзья захвачены!»

Къ счастью, Кравчинскій былъ тогда цѣль и невредимъ, и Плехановъ, при помощи Ольхина, нашелъ его въ Петербургѣ. Александра Михайлова тогда не было въ Петербургѣ. Онъ незадолго предъ этимъ былъ вызванъ Плехановымъ на Донъ, чтобы тамъ на мѣстѣ организовать боевую дружину и дать опредѣленное направленіе вспыхнувшимъ тогда въ Донской области казацкимъ волненіямъ. Положеніе критическое. Кравчинскій и Плехановъ рѣшаются экстренно вызвать Александра Михайлова. Послѣдній съ болью въ сердцѣ бросаетъ задуманное имъ на Дону дѣло и летитъ въ Петербургъ. Въ послѣднихъ числахъ октября, къ слову сказать, мы чуть было не потеряли и Михайлова и Плеханова.

Дѣло вотъ въ чемъ. Послѣ ареста Малиновской конспиративная квартира наша была перенесена на квартиру Троцанскаго (онъ же и «Жуковскій»). На этой квартирѣ собирались уцѣлѣвшіе отъ разгрома землевольцы, въ томъ числѣ обязательно Михайловъ и Плехановъ.

Въ одинъ изъ октябрьскихъ дней было назначено собраніе у «Жуковского».

Дѣла были неотложныя: надо было, во-первыхъ,—познакомиться съ письмами Валеріана Осинскаго, только что полученными изъ Кіева, расшифровать которыя поручено было Троцанскому («Жуковскому»). А, во-вторыхъ,—нужно было распредѣлить добытыя съ такимъ трудомъ Михайловымъ небольшія деньги. Въ условленный часъ Михайловъ,—а извѣстно, что онъ на этотъ счетъ былъ неумолимо точенъ—отправляется къ Троцанскому, условившись предъ этимъ съ Плехановымъ, чтобы и этотъ послѣдній ни подъ какимъ видомъ не опоздалъ на свиданіе. Михайловъ, ничего не подозрѣвая, является на квартиру Троцанскаго—и попадаетъ въ ловушку, устроенную полицейскими. Михайлова арестуютъ и ведутъ туда, куда онъ совсѣмъ не хочетъ итти—въ участокъ. Но, воспользовавшись оплошностью стражи, онъ бросился бѣжать по направленію Малой Посадской улицы. На крикъ «Держи! Лови!» одинъ изъ публики кинулся было остановить его, но Михайловъ выхватилъ изъ кармана кастетъ, и «ревнитель» быстро отскочилъ въ сторону. Повернувъ за уголъ, Михайловъ увидѣлъ довольно многочисленную толпу, которая слышала крики съ Дворянской улицы. Тогда, чтобы сбить ее съ толку, онъ самъ принялся кричать:—«Лови! держи!» Толпа оторопѣла, не зная, что ей дѣлаетъ, и Михайловъ пробѣжалъ мимо. Далѣе, увидѣвъ заборъ огорода, онъ перескочилъ черезъ него и скрылся. Когда онъ перескочилъ черезъ заборъ, онъ шлепнулся въ лужу и испачкался съ головы до ногъ грязью. Первою мыслью Михайлова было бѣжать что есть мочи на квартиру Ольхина и предупредить Плеханова. Но какъ бѣжать по люднымъ улицамъ Петербурга въ такомъ невозможномъ видѣ? Въ это время ему на встрѣчу шла какая-то незнакомая дѣвушка, по виду студентка. У Михайлова блеснула мысль попросить студентку сбѣгать за него къ Плеханову, но не успѣлъ онъ раскрыть рта и произнести: «Сударыня!», какъ студентка, увидѣвъ предъ собою эту подозрительную фигуру, шарахнулась отъ него въ испугъ и убѣжала. Пришлось нашему Михайлову самому ужь

безъ оглядки бѣжать на М.-Италянскую. Къ счастью, онъ еще захватилъ Плеханова дома. Радость Михайлова была до того велика, когда онъ увидѣлъ Плеханова, что бросился—къ величайшему изумленію Плеханова, ждавшего отъ Михайлова нагоняя—обнимать его:— «Ну, Жоржъ, пропаль бы ты, совсѣмъ пропаль! Меня сцапали было, да я счастливо вырвался отъ нихъ!» Впослѣдствіи мы узнали, что Троцанскаго «захватили съ поличнымъ», т.-е. забрали его какъ разъ въ то время, когда онъ занимался расшифрованіемъ Валеріановскихъ писемъ. А письма это были очень нужны; Валеріанъ просилъ денегъ и требовалъ, чтобы «центръ» скорѣй списалъ на этотъ счетъ съ Дмитріемъ Лизогубомъ.

Такъ судьба на этотъ разъ отвела отъ насъ грозившій намъ тяжелый ударъ, и землевольцы снова энергично взялись за работу. А работа предстояла поистинѣ египетская. Надо было прежде возстановить «центръ» общества «Земля и Воля», надо было реставрировать полуразрушенную организацію.

Вотъ какъ Плехановъ описываетъ эту организаціонную работу Михайлова*).

«Съ утра до вечера бѣгалъ онъ по Петербургу, доставая деньги, готовя паспорта, заводя новыя связи,—словомъ, правляя все, что было поправимо въ тогдашнемъ положеніи. Скоро дѣла наши пришли въ нѣкоторый порядокъ, и общество «Земля и Воля» не только не распалось, но приступило даже къ изданію газеты. Неутомимая дѣятельность Михайлова за этотъ періодъ времени составляетъ одну изъ главныхъ заслугъ его предъ русскимъ революціоннымъ движеніемъ. Онъ уже окончательно теперь отказался отъ мысли возвратиться въ Саратовъ и весь отдался организаціоннымъ работамъ». И далѣе: «Порѣшивши остаться въ Петербургѣ, мы подраздѣлили дѣятельность «основного кружка» на нѣсколько различныхъ отраслей, такъ что каждому изъ насъ предстоялъ особый родъ работы. На Михайловѣ лежали, главнымъ образомъ, хозяйственныя заботы. Онъ завѣдывалъ паспортной частью, типографіей, распространеніемъ «Земли и Воли», переписывался съ провинціальными членами нашей организаціи, доставлялъ и распредѣлялъ средства между различными вѣтвями кружка и т. д.». Такимъ образомъ, благодаря желѣзной энергіи и выдающимся организаторскимъ способностямъ Михайлова, съ одной стороны, и дѣятельной неутомимой работѣ Плеханова, Зунделевича, Кравчинскаго (до отъѣзда его за границу), Александра Квятковскаго (вскорѣ затѣмъ прибывшаго въ Петербургъ) и другихъ—съ другой,—общество «Земля и Воля» вступило въ 1879 годъ—въ третій годъ его существованія—не только съ возстановленными силами, но и вполнѣ бодрымъ, воинствующимъ, готовымъ къ бою.

Итоги 1878 года для революціонной дѣятельности выражаются въ слѣдующемъ. Съ одной стороны—правительство, съ его вѣковѣчной системой репрессій, застѣнокъ и всяческихъ удавокъ. Съ другой—революціонная молодежь, съ ея новыми приемами борьбы,—

*) Воспоминанія объ А. Д. Михайловѣ. Сочиненія Г. В. Плеханова, т. I. Изданіе Библиотеки научнаго социализма. Женева. 1905 г.

смѣлыми, рѣшительными, неуловимыми, какъ вѣтеръ степной, дезорганизаторскими приемами.

Правительство все туже и туже затягиваетъ мертвую петлю надъ обществомъ: преслѣдованія все болѣе и болѣе усиливаются; тюрьмы наполняются; въ тюрьмахъ стонъ и зубовой скрежетъ; тамъ, за рѣшетками бьется и трепещетъ молодая жизнь; стонъ изъ-за рѣшетокъ и каменныхъ мѣшковъ доходитъ до чуткаго уха революціонеровъ и разрываетъ имъ душу; сотни молодыхъ, неокрѣпшихъ еще силъ вырываются изъ семей и ссылаются на гибель въ якутскія тундры; новые драконовскіе законы то и дѣло выковываются правительствомъ и падаютъ свинцовой тяжестью на личность революціонеровъ; однимъ словомъ,—реакція въ полномъ ходу, готовая все сокрушить на своемъ пути. Но нашла коса на камень. Чѣмъ туже стягивается желѣзное кольцо правительственнаго произвола, тѣмъ сильнѣе конденсируется революціонное чувство, тѣмъ упорнѣе сосредоточивается революціонная воля въ одномъ опредѣленномъ направленіи—въ направленіи отчаянной борьбы съ правительствомъ *sans trêve ni merci*. Общій смыслъ этой борьбы таковъ: намъ объявили войну—и мы обороняемся; наша личная свобода и человѣческое достоинство попираются—и мы обязаны кровью своею защитить ихъ; не мы первые подняли мечъ: пусть же поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ! Правда, это пока еще не формулируется ясно, но уже категорически сказывается въ настроеніи и волѣ тогдашнихъ революціонеровъ. Непосредственная активная борьба съ правительствомъ въ той или другой формѣ фактически становится стимуломъ революціонныхъ дѣйствій людей 1878 года. И революціонеръ становится все болѣе и болѣе агрессивнымъ. Даже внѣшность его преобразовывается: вмѣсто прежняго чумазаго пропагандиста или даже современнаго деревенщика-народника въ косовороткѣ и высокихъ сапогахъ—предъ нами теперь джентльмэнъ, весьма прилично одѣтый. У него за поясомъ кинжалъ, а въ карманѣ—револьверъ: онъ не только будетъ защищаться, но и нападать; онъ даромъ не отдастъ своей свободы. Такъ думали, говорили и дѣйствовали люди 78 года. И революціонная хроника этого года вполнѣ подтверждаетъ это. Революціонныя силы все болѣе и болѣе стягиваются въ городъ, борьба все болѣе и болѣе непосредственно направляется на правительство—она становится политической борьбою. Мы на словахъ отрещиваемся, какъ отъ «нечистаго», отъ политической борьбы; мы негодуемъ, когда либеральная литература ехидно упрекаетъ насъ въ томъ, что мы свернули съ намѣченнаго нами пути, но фактически—увы!—мы, помимо своей воли, ведемъ политическую борьбу,—какъ мы, помимо воли своей, говоримъ не стихами, а прозою... Неумолимая логика событій втянула революціонеровъ въ свой водоворотъ, и они, чтобы не захлебнуться, ухватились за терроръ, какъ утопающій за соломинку.

Предъ нами землевольческая литература этого года — 1887 года: центральный органъ партіи «Земля и Воля». Прочтите его передовыя статьи, фельетоны, полемическія статьи и проч.!

Господствующимъ лейтмотивомъ служить слѣдующія положенія: «Революція—дѣло народныхъ массъ¹⁾. Подготавлиетъ ихъ исторія. Революціонеры ничего направить не въ силахъ. Они могутъ быть только орудіями исторіи, выразителями народныхъ стремлений. Роль ихъ заключается только въ томъ, чтобы, организуя народъ во имя его стремлений и требованій и поднимая его на борьбу съ цѣлью ихъ осуществленія, содѣйствовать ускоренію того революціоннаго процесса, который, по непреложнымъ законамъ исторіи, совершается въ данный періодъ. Въ этой роли они—ничто; въ предѣлахъ ея, они—одинъ изъ могущественныхъ факторовъ исторіи.

Поэтому, основаніемъ всякой истинно-революціонной программы должны быть народные идеалы, какъ ихъ создала исторія въ данное время и въ данной мѣстности. Во всѣ времена, гдѣ бы и въ какихъ размѣрахъ не поднимался русскій народъ, онъ требовалъ земли и воли. Земли—какъ общаго достоянія тѣхъ, кто на ней работаетъ, и воли—какъ общаго права всѣхъ людей самимъ распоряжаться своими дѣлами».

По поводу террористической дѣятельности руководящая статья говоритъ слѣдующее:—«Мы должны помнить, что не этимъ путемъ мы добьемся освобожденія рабочихъ массъ. Съ борьбою противъ основъ существующаго порядка терроризація не имѣетъ ничего общаго. Противъ класса можетъ возстать только классъ; разрушить систему можетъ только народъ. Поэтому, главная масса нашихъ силъ должна работать въ средѣ народа. Террористы—это не болѣе, какъ охранительный отрядъ, назначеніе котораго—оберегать этихъ работниковъ отъ предательскихъ ударовъ враговъ. Обративъ всѣ наши силы на борьбу съ правительственной властью—значило бы оставить свою прямую, постоянную цѣль, чтобы погнаться за случайной, временной»²⁾).

Вторая руководящая статья «Земли и Воли» отъ 15 декабря 1878 года, принадлежащая, если не ошибаюсь, перу Д. А. К., посвящена исключительно четыремъ знаменитымъ цареубійцамъ—Геделю, Нобилингу, Монкуси и Пассаменте. Авторъ поставилъ себѣ задачей—выяснить дѣйствительный смыслъ этихъ крупныхъ въ то время событій, этого настойчиваго повторенія покушеній на жизнь представителей монархическаго принципа на протяжении одного, 1878, года. Попутно авторъ проводитъ параллель между вышеназванными покушеніями и нашими террористическими дѣйствіями текущаго 1878 года.

Вотъ что по этому онъ говоритъ:—«Отвѣтственность за смертную казнь преступниковъ въ Россіи открыто и явно брала на себя русская соціально-революціонная партія. Она не только официально признавала совершившіеся факты, заявляла заранее о своихъ приговорахъ и давала предостереженія, но и объясняла всегда мотивы своихъ приговоровъ предъ публикой. Изъ этихъ объясненій очевидно, что тяжелая карающая рука русскаго революціонера

¹⁾ „Земля и Воля“ № 1, 25 октября 1878 года. Программная статья С. Кравчинскаго.

²⁾ Курсивъ вездѣ нашъ.

подымается всегда на защиту интересов своей партіи, и только на ихъ защиту¹⁾).

Изъ совершившихся до сихъ поръ фактовъ нельзя заключить, чтобы русскіе революціонеры нападали преимущественно на какой-нибудь отдѣльный классъ общества или представителей извѣстной идеи. Съ идеями они борются идеями же. Тактика ихъ—просто тактика воюющей стороны: бьемъ тѣхъ, кто насъ бьетъ, кто намъ опасенъ, и потому, что онъ намъ опасенъ²⁾. Говорятъ, что Мезенцевъ былъ очень добрый человѣкъ,—можетъ быть! Но по отношенію къ русскимъ революціонерамъ онъ былъ звѣремъ, дикимъ звѣремъ, мучителемъ по призванію—и на него былъ направленъ ударъ.

Баронъ Гейкинъ (кіевскій жандармскій офицеръ. О. А.) былъ либералъ; онъ, говорятъ, даже предупреждалъ кое-кого изъ своихъ знакомыхъ объ обыскахъ и арестахъ,—но относительно русскихъ революціонеровъ онъ держалъ себя крайне подло; это былъ двуличный и опасный человѣкъ для революціонеровъ, искусный шпионъ, угрожавшій свободѣ многихъ лицъ,—и онъ былъ казненъ.

Русскіе революціонеры преслѣдуютъ съ одинаковой безпощадностью какъ высокопоставленнаго злодѣя, такъ и простого уличнаго шпиона или болтуна-доносчика. Во всемъ этомъ они руководятся лишь интересами своей партіи, а до одобренія или отрицанія общества имъ нѣтъ дѣла». И далѣе нѣсколькими строками ниже авторъ поясняетъ:

«Русскіе революціонеры ясно высказывали, что къ смертной казни они прибѣгаютъ лишь для спасенія жизни и свободы своихъ собратій, для избавленія ихъ отъ чрезмѣрныхъ страданій, и когда требуетъ этого спасеніе чести партіи³⁾».

Мы можемъ ограничиться и этими выписками. Они вполнѣ ясно рисуютъ мысль нашихъ авторовъ. Центральный литературный нашъ органъ «Земля и Воля» въ руководящихъ его статьяхъ прямо намъ говоритъ, что мы тогда еще оставались вѣрны нашей народнической программѣ, нашей тактикѣ. Сергѣй Кравчинскій въ цитируемой уже выше программной статьѣ своей прямо предостерегаетъ насъ отъ слишкомъ сильнаго увлеченія террористической борьбою. Онъ говоритъ:—«Не ободрять, не звать ихъ (товарищей и друзей. Авторъ) на продолженіе начатой борьбы намѣрены мы: мы очень хорошо знаемъ, насколько излишни для нихъ ободренія и призы-вы. Мы, напротивъ того, хотимъ предостеречь ихъ отъ слишкомъ сильнаго увлеченія этого рода борьбою, такъ какъ есть признаки, показывающіе возможность такого рода увлеченія⁴⁾».

Проницательный. Кравчинскій уже чуялъ бѣду. Вовсякомъ случаѣ основной тонъ нашего центрального органа,—этого объективнаго выразителя нашихъ идейныхъ стремленій и нашего настрое-

1) Курсивъ нашъ.

2) Курсивъ нашъ.

3) Курсивъ нашъ.

4) Курсивъ нашъ.

нія,—оставался догматически-вѣрнымъ народничеству. Участвовавшіе въ то время террористическіе акты онъ объясняетъ и оправдываетъ основными началами нашей дезорганизаторской программы, съ самаго начала предусмотрѣвшей возможность и неизбѣжность такой тактики.

Терроръ не возводится въ принципъ, въ систему, т. е. общество «Земля и Воля», не задавая непосредственной цѣлью борьбы съ правительствомъ, считаетъ, тѣмъ не менѣе, нужнымъ прибѣгать къ террору, какъ къ спеціальной формѣ борьбы для спеціальныхъ случаевъ, и только для такихъ случаевъ.

Насколько мы еще тогда оставались буквально вѣрными нашей народнической программѣ, насколько догматичны мы еще были тогда, лучше всего это иллюстрируютъ наши отношенія къ возникшему тогда (въ концѣ 1878 г.) новому обществу рабочихъ—«Сѣверно-Русскому рабочему Союзу». Организаторомъ этого «Союза»,—попутно скажу,—былъ Степанъ Халтуринъ, умный, развитой и энергичный рабочій. Онъ явился самымъ типичнымъ и яркимъ представителемъ стремленій и настроеній передовыхъ рабочихъ массъ того времени. Халтуринъ пользовался огромною популярностью въ рабочей средѣ, его глубоко уважали и любили. Ему первому удалось поставить передовыхъ рабочихъ на собственные ноги, создать организацію рабочихъ чрезъ рабочихъ же, собственными ихъ усиліями. «Сѣверно-Русскій рабочій Союзъ»—дѣло его рукъ. Программа «Союза» была напечатана въ видѣ отдѣльнаго листка и циркулировала такимъ образомъ по рукамъ. Къ сожалѣнію, я не могу воспроизвести ее въ цѣломъ, я отмѣчу лишь одинъ, весьма характерный, по моему, пунктъ, противъ котораго соесѣмъ не кстаети возражала «Земля и Воля». Пунктъ этотъ касается значенія и роли политическаго элемента въ революціонной дѣятельности вообще и отношенія къ нему рабочихъ—въ частности. «Союзъ» въ своей программѣ высказался прямо и категорически, что нельзя относиться отрицательно къ политической борьбѣ, но что необходимо поставить политическія задачи, и вести то, и другое—и политическую и экономическую борьбу—параллельно.

«Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ» въ данномъ случаѣ оказался болѣе проницательнымъ, чѣмъ многіе въ то время изъ землевольцевъ.

Здравый смыслъ, не отуманенный слишкомъ частыми справками за ннимымъ «историческимъ опытомъ», подсказалъ Халтурину и его товарищамъ, что осуществленіе народныхъ требованій немислимо безъ одновременной борьбы съ политической организаціей, главною виновницею народнаго разоренія. Рабочіе на собственной шкурѣ выносили всю тяжесть правительственнаго гнета и, понявши это, они сочли себя вправѣ выставить на своемъ знамени *delenda est Carthago*—да будетъ уничтоженъ этотъ политическій строй!

Какъ я уже выше замѣтилъ, нашъ органъ отнесся укоризненно къ этой политической ереси «Союза». Въ «Землѣ и Волѣ», въ особой замѣткѣ*), посвященной программѣ «Союза», редакція мяг-

*) Замѣтка принадлежитъ перу Д. А. К.

ко, но рѣшительно высказалась противъ политическихъ тенденцій «Союза».

Это очень характерно для тогдашняго момента, переживаемаго землевольцами. Но иное дѣло теорія, иное—практика. Фактически наше положеніе уже въ концѣ 1878 года стало внушать серьезныя опасенія не одному только Кравчинскому. Круто нараставшее террористическое настроеніе и рѣзко уже обрисовавшійся поворотъ въ дѣятельности землевольцевъ и прочихъ революціонеровъ-народниковъ предвѣщали намъ всѣмъ, а особенно «деренцинцѣ», тяжелыя испытанія.

Наша главная операціонная база--деревня была плохо укрѣплена; нашъ авангардъ—ново-саратовское и тамбовское поселенія, за недостаткомъ людей, не восполнялся: новыя силы не притекали, армія не формировалась.

Воронежское поселеніе только складывалось: производились рекогносцировки и намѣчались пункты для поселеній. А между тѣмъ то тутъ, то тамъ въ народѣ происходятъ серьезныя волненія: волнуются на Дону, на Кубани и на Уралѣ. Надо во что бы то ни стало использовать эти волненія,—мы это сознаемъ,—но опять-таки: нѣтъ людей! силъ не хватаетъ! На Дону разрывается Плехановъ; мечется во всѣ стороны, ищетъ сотрудниковъ, зоветъ работниковъ, но въ результатѣ—нуль.

Онъ вызываетъ туда экстренно Александра Михайлова, но не успѣлъ тотъ доѣхать до Ростова, какъ онъ обратно уже летитъ въ Петербургъ, гдѣ мы потерпѣли страшное разореніе. Въ Петербургѣ Плехановъ, отпечатавши «Воззваніе къ славному Войску Донскому», продолжаетъ звать охотниковъ на Донъ.

«Эта молодежь,— рассказываетъ Плехановъ*),—насквозь пропитанная народничествомъ, съ пріятнымъ удивленіемъ слушала мои рассказы о казацкихъ волненіяхъ и вполне соглашалась съ тѣмъ, что революціонеры непременно должны воспользоваться этими волненіями. Но, несмотря на это, на Донъ все-таки никто изъ петербургскихъ революціонеровъ не поѣхалъ.

Такъ и пришлось махнуть рукою на казаковъ. Правда, къ нимъ отправилось нѣсколько молодыхъ людей изъ Харькова, но и эти товарищи скоро убѣдились въ томъ, что ни на какую поддержку со стороны революціонной интеллигенціи имъ рассчитывать невозможно, и, обезкураженные этимъ, сами вернулись въ городъ, хотя революціонеры-казаки, которыхъ насчитывалось тогда уже человекъ до пятидесяти, настойчиво уговаривали ихъ остаться».

Но «пришлось махнуть рукою» не только на казаковъ, но и на раскольниковъ, а равно и на создавшееся еще только воронежское поселеніе, гдѣ были такіе отмѣнные работники, какъ М. Р. Поповъ, Александръ Квятковскій, М. Фроленко, Баранниковъ, М. Н. Ошанина и проч.

Послѣ разгрома нашего „центра“, Александръ Михайловъ сталъ вызывать настойчиво въ Петербургъ на помощь себѣ земле-

*) Исторія революціоннаго движенія въ Россіи. А. Туна. Предисловіе къ русскому изданію стр. 31. Женева 1903 года.

вольцевъ изъ провинціи, и вскорѣ туда поѣхали М. Р. Поповъ и Квятковскій—одинъ вслѣдъ за другимъ—гдѣ уже оба, подхваченные водоворотомъ петербургскихъ событій, окончательно, скрѣпя сердце, и застряли. Правда, они имѣли твердое намѣреніе вернуться къ начатой имъ столь успѣшно работѣ въ Воронежской губ., но логика событій рѣшила все наперекоръ: воронежское поселеніе не было основано, и усиленная подготовительная работа организаторовъ пропала почти безслѣдно для революціи.

Точно также, по тѣмъ же причинамъ, пришлось, скрѣпя сердце, махнуть рукою и на продолженіе работы въ расколѣ въ Саратовской губерніи. Вотъ что на этотъ счетъ сообщаетъ намъ въ своемъ «Воспоминаніи объ А. Д. Михайловѣ» Плехановъ:—«Въ принципѣ Михайловъ по прежнему признавалъ дѣятельность въ народѣ главною задачею общества «Земля и Воля», но онъ думалъ, что, при наличныхъ силахъ этого общества, нельзя было надѣяться на сколько-нибудь серьезный успѣхъ въ крестьянской средѣ. «Въ настоящую минуту намъ, находящимся въ городахъ, нечего и думать объ отъѣздѣ въ деревню,—говорилъ онъ по возвращеніи изъ Ростова,—мы слишкомъ слабы для работы въ народѣ. Соберемся сначала съ силами, создадимъ крѣпкую и обширную организацію, и тогда перенесемъ центръ тяжести нашихъ усилій въ деревню.

Теперь же волей-неволей приходится намъ сосредоточить свое вниманіе на городскихъ рабочихъ и учащейся молодежи». Въ то время мы были дѣйствительно такъ слабы, что никому изъ насъ и въ голову не приходило не соглашаться съ Михайловымъ».

Къ такому выводу пришли въ концѣ 1878 года двое изъ самыхъ крупныхъ нашихъ землевольцевъ, Михайловъ и Плехановъ, къ такому же выводу пришли и остальные землевольцы. Таково было наше положеніе въ исходѣ 1878 г., съ такимъ печальнымъ итогомъ мы вступили въ 1879 годъ—третій годъ нашего существованія, какъ общества «Земля и Воля».

А итогъ былъ таковъ: два только землевольскихъ поселенія, ново-саратовское и тамбовское, рѣзко обозначившееся, по причинѣ круто измѣнивагося революціоннаго настроенія, ослабленіе притока революціонныхъ силъ изъ города въ деревню; страстное, неудержимое почти стремленіе революціонныхъ силъ схватиться непосредственно съ правительствомъ; схватки то тутъ, то тамъ учаются, обостряются, ожесточаются и обобщаются.

Мы—наканунѣ второго періода землевольской дѣятельности и третьяго—соціально-революціонной дѣятельности вообще семидесятыхъ годовъ.
